

UNITED WISDOM

Цимцум в каббале: пространство для другого

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W37 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Цимцум в каббале: пространство для другого

> *«И уже было место, где могли существовать эманированные и сотворённые существа...».*

Хаим Виталь, «Эц хаим», 1:2:4. Русский перевод для этой статьи по Sefaria Community Translation, сверенный с ивритом. Фраза относится к символическому рассказу о возникновении миров.

О чём эта статья

Цимцум — одна из центральных тем лурианской каббалы, связанная с образом ограничения или сокрытия бесконечного света, благодаря которому становится возможным различимый мир. В истории еврейской мысли этот образ получил разные толкования: что именно ограничивается, означает ли это реальное удаление и с чьей точки зрения мир оказывается отделённым?

Мы рассмотрим исходный вопрос, несколько элементов его символического языка и разногласие о буквальном прочтении. Затем отдельно перейдём к современному этическому применению: как оставлять другому возможность существовать, действовать и отвечать, сохраняя собственное участие. Здесь важно различать религиозное учение о творении и предложенную нами аналогию человеческих отношений. Человек не становится Богом, руководитель не создаёт сотрудников, а пауза в разговоре не доказывает мистическую космологию. Именно с этими границами образ цимцума помогает сформулировать трудное различение: присутствие может поддерживать другого, а может незаметно занимать его место.

I. Вопрос, который возник внутри традиции

Цимцум ставит вопрос о возможности конечного мира перед лицом бесконечного источника. В человеческом разговоре похожий образ возникает по другой причине: один участник может занять почти всё место для ответа.

Преподаватель задаёт вопрос и сам же отвечает на него. Потом уточняет свой ответ, приводит пример и объясняет, почему остальные примеры не подходят. Учащиеся внимательно слушают; всё, что могло бы произойти между ними, уже произошло внутри одной речи.

@andrey.zarinsh @ilkutki

В этом условном эпизоде никто не желает подавлять других. Преподаватель подготовлен, заинтересован и щедр на объяснения. Но его присутствие занимает почти всё доступное место. Чтобы возникла мысль ученика, недостаточно ещё одного хорошего объяснения. Нужна возможность не знать заранее, какой именно ответ появится.

Слово «цимцум» пришло не из педагогики. Развёрнутая лурианская версия связана с Ицхаком Лурией и кругом его учеников в Цфате XVI века; существенная часть письменного наследия известна благодаря Хаиму Виталю. В обзоре Эйтана Фишбейна о каббале Цфата эта история показана как жизнь сообществ: учителей, учеников, совместного изучения и ритуала. Лурия не оказывается одиноким автором универсальной техники; его мысль передавалась внутри еврейской религиозной среды.

Если источник существования мыслится как не имеющий предела, откуда берётся различимость вещей? Что позволяет сказать, что перед нами именно эта вещь, а не неограниченное присутствие источника? Пространственный образ выражает эту трудность, но сам вопрос не решается измерением расстояния между предметами.

Привычный современный перевод может заслонить проблему. Бесконечность превращается в потенциал личности, свет — в хорошую энергию, сокращение — в скромность. Традиция становится словарём для заранее готовых убеждений: мы ещё не поняли её вопрос, но уже получили удобный ответ. Поэтому сначала стоит прочитать образ внутри его истории и лишь затем испытать человеческую аналогию.

Читатель может понять постановку вопроса, не разделяя её религиозных предпосылок. Для верующего этот язык может оставаться богословским размышлением. В обоих случаях полезно удержать исходное различие: ученики существуют независимо от преподавателя, а возможность их ответа зависит от устройства урока. Современная метафора касается условий участия; каббалистическое учение — отношения конечного бытия к Бесконечному. Переход между ними нуждается в объяснении.

II. Что рассказывает образ бесконечного света

В начале «Эц хаим» образ цимцума вводится через рассказ о свете, который до возникновения миров заполняет всю реальность. В ветви 2, фрагменте 2 описываются бесконечный свет, центральная точка и освобождённое пространство. Текст использует язык движения и формы, чтобы представить возможность различимого творения.

«Эйн Соф» буквально указывает на отсутствие конца или предела. «Ор Эйн Соф» — свет Бесконечного. Здесь свет не является электромагнитным излучением, а бесконечность не представляет собой количество энергии, которое можно разделить на меньшие

порции. Мы читаем религиозную космогонию: символическое повествование об отношении источника и возникающего мира.

В тексте есть выраженный визуальный рисунок. Свет отступает от центральной точки, а освобождённое место описывается как круговое и равномерное. Форма круга связывается с равенством во всех направлениях. Для понимания образа это важнее, чем попытка нарисовать точную карту «местонахождения» Бога. Геометрия здесь служит языком отношения: до возникновения различий нет основания выделить один край как более близкий, другой как более далёкий.

Читатель может спросить: если до возникновения пространства уже названы центр и стороны, не возникает ли противоречие? Такой вопрос полезен. Он показывает предел буквального представления. Рассказ прибегает к знакомому пространственному языку там, где сам предмет не совпадает с привычным пространственным объектом. Мысль не становится физической гипотезой только потому, что в ней появились круг, точка и линия.

По той же причине неверно превращать цимцум в древнюю версию Большого взрыва. В одном случае обсуждается происхождение мира внутри религиозного учения; в другом — модели физической эволюции, построенные на наблюдениях и допускающие проверку. Сходство отдельных слов не создаёт общего метода доказательства. Уважение к обоим способам исследования требует сохранять это различие.

Сам символический рассказ устроен неожиданно: возможность различимого мира выражена через ограничение явленности, а не через простое увеличение присутствия. Нас интересует эта структура, но пока без немедленного вывода о человеческой скромности. Между космогоническим образом и этикой ещё предстоит построить переход. Если его пропустить, каждая пауза преподавателя начнёт выглядеть иллюстрацией устройства Вселенной, хотя она остаётся педагогическим решением с вполне земными последствиями.

III. Место появляется вместе со связью

Освобождённое пространство в «Эц хаим» не означает окончательного разрыва с источником. В следующем существенном фрагменте, 1:2:4, в него проводится линия света — кав. Через неё описывается связь возникающих миров с Бесконечным. Поэтому рассказ не заканчивается на том, что свет отступил и больше не имеет отношения к происходящему.

В этом фрагменте появляется также порядок: начало и конец, верх и низ, направления. Их различимость связана со способом, которым свет распространяется через линию.

Внутри повествования мера и устроенность не являются случайной помехой. Они принадлежат самой возможности существования определённого мира.

Здесь важно заметить последовательность двух мотивов. Сначала возникает возможность различия, затем — описанная связь, которая не уничтожает различие. Если оставить только первый мотив, получится история об исчезновении. Если оставить только второй, конечность снова окажется почти неразличимой перед бесконечным присутствием. Символический язык пытается удержать оба.

Из этого ещё не следует готовая этическая норма. Но уже видно, почему популярный перевод «цимцум — это уйти» слишком беден. Он обрывает рассказ в середине. Поддерживающая связь занимает в нём место рядом с освобождённым пространством, а не отменяется ради него.

Можно вернуться к условному уроку и осторожно испытать аналогию. Преподаватель перестаёт отвечать вместо ученика, но продолжает слушать. Он остаётся доступным для уточнения, предлагает задачу посильной сложности, помогает увидеть ошибку. Его участие меняет форму. Ученику предоставлено не пустое время, а возможность отвечать самому при сохраняющейся поддержке.

Однако аналогия сразу встречает предел. В человеческом общении поддержка нуждается в согласовании. Один ученик хочет подсказку, другой — несколько минут самостоятельной работы, третий не понял задания. Нельзя вывести правильную дозу помощи из мистического рисунка линии. Её определяют конкретные люди, задача и обратная связь.

Образ остаётся полезным как вопрос к нашей позиции: можно ли ограничить собственное вмешательство, не превращая это в отказ от участия? Он не сообщает, сколько минут молчать и когда именно поправить. Но помогает заметить, что «я присутствую» и «я заполняю всё» — разные утверждения. Между ними появляется пространство для решения, которое раньше казалось невозможным.

IV. Почему спор о буквальности не закончился одним ответом

Цимцум не имеет одного бесспорного толкования для всей каббалы. Разногласие касается и удаления или сокрытия света, и отношения этих образов к Божественной сущности. Моше Миллер в «First Constriction» показывает несколько версий такого различения. Уже поэтому схема «раньше понимали буквально, потом стали понимать психологически» исторически слишком проста.

В седьмой главе «Шаар га-йихуд ве-га-эмуна», второй части «Тании», Шнеур-Залман из Ляд отвергает представление о буквальном удалении Бога из мира. Сокрытие не означает, что мир теперь существует сам по себе без поддерживающего его Божественного присутствия. Это позиция определённой хасидской традиции, а не нейтральный перевод всех лурианских текстов.

Другие разногласия сохраняются даже между авторами, которые не признают простого пространственного ухода. В исследовательском изложении Эли Рубина сопоставляются формулировки Шнеур-Залмана и Хаима из Воложина. Не углубляясь здесь во все стороны полемики, достаточно удержать вопрос: что именно скрыто — явленность света, постижимость Божественного присутствия, отношение к нему созданного мира? Эти формулировки не автоматически равнозначны.

Современному читателю трудно не поспешить с выбором. Небуквальная версия кажется более понятной, и возникает желание объявить её единственным зрелым ответом. Но в богословском споре речь идёт не просто о выборе между картинкой и рациональностью. Авторы по-разному описывают отношение трансцендентности, присутствия и человеческого восприятия. Слово «буквально» само требует пояснения: оно не обязательно означает физический переезд из одной области пространства в другую.

Практически это учит различать возражения. Когда кто-то говорит «это невозможно», полезно понять, какую именно версию он отвергает. Изменение размера тела? Удаление света? Отсутствие Бога? Ограничение нашего доступа к Его явленности? Можно долго спорить об одном слове, имея в виду разные утверждения.

Для этой статьи достаточно более узкого результата. Мы не выбираем окончательного победителя религиозной полемики и не объявляем найденной универсальную формулу творения. Мы видим, что внутри традиции образ подвергается серьёзной интерпретации. Его дальнейшее использование в этике требует ещё одного шага, а не подмены этого спора удобным лозунгом.

V. Цимцум — начало рассказа, а не вся каббала

Образ освобождённого пространства легко отделить от остального учения и сделать самодостаточным. Но лурианская мысль включает также разбиение сосудов и тиккун — восстановление или исправление. В обзоре Фишбейна эти мотивы связаны с религиозной практикой и задачей восстановления; это гораздо шире современной рекомендации меньше контролировать окружающих.

Мы не будем превращать сложное учение в короткую инструкцию из трёх пунктов. Для нашей темы достаточно увидеть: появление места не гарантирует благополучного результата. Возможность мира и вопрос его повреждения принадлежат разным

моментам повествования. Сделать место — ещё не значит обеспечить всё, что затем в нём произойдёт.

В условной человеческой ситуации различие ещё очевиднее. Если взрослый разрешает подростку самому выбрать кружок, тот может ошибиться, разочароваться или изменить решение. Предоставленная возможность не была ложной только потому, что первая попытка оказалась неудачной. Но и взрослый не освобождён от вопросов о стоимости, безопасности, доступности и реальных условиях выбора. Свобода возникает в определённой среде, а не в пустоте.

Этот пример предложен нами, а не выведен как толкование разбиения сосудов. Он помогает проверить собственный язык. Мы иногда говорим: «Я дал тебе свободу, значит, теперь всё должно получиться». Тогда предоставление возможности оказывается скрытым договором о безошибочности. Другому позволено выбрать, но лишь при условии, что результат подтвердит щедрость того, кто позволил.

Возможен и обратный перекос: «Я отошёл, поэтому больше ни за что не отвечаю». Здесь свобода становится названием для оставления без поддержки. Различие между этими ситуациями нельзя определить по одному жесту отступления. Надо смотреть, какие условия остались, что было обещано, кто несёт последствия и можно ли снова вступить в разговор.

Каббалистическая история не является доказательством педагогической модели. Но знакомство с её сложностью удерживает от слишком короткого вывода. Цимцум не равен гарантии гармонии. Даже как современная метафора он ценен не обещанием бесконфликтного сосуществования, а вниманием к различию, связи и ответственности после того, как возможность уже предоставлена.

VI. Как возникает этическое прочтение

Переход от цимцума к отношениям между людьми действительно существует в современной еврейской мысли, но это переход интерпретации. Он не позволяет автоматически приписать всякую сегодняшнюю рекомендацию Ицхаку Лурии.

В исследовании Ширы Волоски о языке в еврейской культуре рассматривается, в частности, использование этого образа Эммануэлем Левинасом. В этическом прочтении существенны различимость собеседников и близость, которая не поглощает другого. Пространство отношений не требует, чтобы участники стали одной волей или одним сознанием. Это философское развитие образа, сохраняющее напряжение между связью и отдельностью.

В другом современном контексте Менахем Кредитор связывает цимцум с руководством как служением. Его религиозный комментарий противопоставляет сосредоточение власти на себе предоставлению возможностей другим. Мы читаем здесь конкретное авторское применение, а не историческое описание первоначального смысла «Эц хаим».

Эти примеры показывают, что метафора не обязательно является произвольным присвоением. Она может быть осмысленным продолжением разговора с традицией. Но для этого нужны точность атрибуции и готовность оставить исходному понятию больше смысла, чем требуется сегодняшней задаче.

Предлагаемое далее различение наше: иногда человек ограничивает действие, иногда — притязание объяснять чужую жизнь целиком. Можно продолжать помогать и при этом перестать считать свою интерпретацию последним словом. Можно ясно заявить свою позицию и одновременно признать, что собеседник вправе ответить иначе. Здесь отступает не человек как таковой, а определённая форма его вмешательства.

Такая формулировка избегает требования самоисчезновения. Если для близости одному участнику нужно всегда говорить меньше, хотеть меньше и уступать раньше, то «пространство другого» может оказаться новым названием прежнего неравенства. Этика отношений должна оставлять место обоим. Поэтому самоограничение нельзя оценивать отдельно от того, кому оно предлагается и насколько свободно может быть отвергнуто.

Это также не обещание психологического эффекта. Метафора не заменяет исследования общения и не устанавливает универсальный лечебный механизм. Её достоинство скромнее: она позволяет поставить вопрос, который часто ускользает за добрым намерением, — какая часть моего участия поддерживает чужую самостоятельность, а какая уже делает её невозможной?

VII. Не всякое отступление освобождает другого

Внешне одинаковая пауза может быть подаренным временем, наказанием молчанием или отказом от обещанной помощи. Чтобы различить эти ситуации, недостаточно услышать слово «цимцум». Надо рассмотреть само отношение и то, что происходит после паузы.

Возьмём условную рабочую встречу. Руководитель предлагает сотруднику представить собственный план. Сотрудник говорит, руководитель уточняет неизвестные сведения и заранее обозначает ограничения бюджета. Окончательный выбор ещё может потребовать согласования, но вклад сотрудника способен изменить решение. У него есть реальная возможность участвовать.

Теперь изменим одно условие. Руководитель уже выбрал план, однако приглашает сотрудника «свободно высказаться», а затем отклоняет любой ответ, кроме своего. Внешнее количество времени для речи осталось тем же. Пространство решения не появилось. Пауза обслуживает уже установленный результат.

В третьем варианте руководитель полностью исчезает из обсуждения, хотя только у него есть необходимые сведения и полномочия. Сотрудник получает ответственность, но не средства действовать. Это можно назвать доверием, однако название не устраняет несоответствия между задачей и условиями её исполнения.

Различие обнаруживается в простых вопросах. Какие ответы действительно могут изменить ход дела? Что находится в руках самого участника? Какую помощь он может запросить? Может ли он не согласиться, не потеряв автоматически уважение или доступ к необходимым ресурсам? Эти вопросы проверяют устройство ситуации, а не нравственную красоту намерения.

Положение участников имеет значение. Человек, который обычно определяет повестку, может ограничить собственное вмешательство и тем самым расширить чужое участие. Человек, которого и так постоянно перебивают, скорее нуждается в возможности договорить. Просить обоих одинаково «уменьшить себя» — значит не заметить уже существующее распределение пространства.

Есть также ситуации, где вмешательство требуется: ясная угроза, нарушенное обязательство, ошибка, последствия которой понесут другие. Здесь добровольное самоограничение не означает запрета сообщить существенные сведения или остановить опасное действие. Современное применение образа оценивается по тому, помогает ли оно сохранить человеческое участие и ответственность, а не по максимальному количеству молчания.

Поэтому практический смысл метафоры не в искусстве всегда отступать. Он в способности различать, где наше присутствие необходимо, где его форма стала чрезмерной, а где слово «свобода» прикрывает отсутствие нужных условий.

VIII. Почему другие традиции меняют вопрос

Сопоставление становится содержательным, когда похожий образ обнаруживает разные вопросы. Слова о пустоте, отступлении и неприсвоении ещё не означают общего учения о творении.

В одиннадцатой главе «Дао дэ цзина» полезность сосуда и комнаты связывается с незаполненным пространством. Предмет действует благодаря тому, что в нём есть место. Рядом с цимцумом это помогает увидеть: отсутствие заполнения может быть

условием возможности. Но у Лао-цзы перед нами другая философская постановка; сосуд не является иллюстрацией лурианской космогонии. Даже точное сходство формы мысли оставляет различие её предмета.

В Послании к Филиппийцам 2:5–11 говорится об уничижении Христа и принятии образа раба. Этот мотив называют кенозисом, самоумалением. В сопоставлении с цимцумом нас интересует отказ представлять полноту только как увеличение господства. Однако христианский текст говорит о Христе, воплощении и послушании; он не описывает образование свободного места для миров. Уравнять эти события значило бы потерять смысл обоих.

У Эпиктета в начале «Энхиридиона» различаются собственные действия и то, что не находится в нашей власти. Это иной вход в вопрос о неприсвоении: чужой ответ не становится моим действием только потому, что я очень заинтересован в нём. Но стоическая работа с суждением и лурианский рассказ о свете имеют разные основания. Мы предлагаем ограниченную этическую аналогию, а не устанавливаем заимствование.

В «Лунь юй», книге XV, главе XXIII в переводе Джеймса Легга, шу поясняется через отказ делать другому то, чего не желаешь себе. Внешне это тоже ограничение действия, но мотив выражен через соотнесение себя и другого в человеческих отношениях. Он не требует представить себя источником его существования.

Все эти различия возвращают нас к уроку. Преподавателю полезнее выяснить, присваивает ли он ответ ученика, чем объявить свою паузу общим законом религий. Несколько традиций помогают точнее поставить вопрос; ответственность за конкретное решение остаётся у участников.

IX. Близость, в которой остаются двое

Цимцум обращает внимание на необычную структуру: возможность различимого существования описывается через ограничение, а связь с источником при этом не исчезает из рассказа. Внутри каббалы эта структура принадлежит богословию творения и имеет историю разногласий. Она не становится общим учением всех религий оттого, что в разных языках можно встретить слова об освобождении места.

Для современного размышления важна возможность удержать два движения одновременно. Не занимать всё доступное место и продолжать участвовать. Допустить самостоятельный ответ и не снять с себя согласованные обязательства. Сохранить близость и не считать её правом исчерпывающе объяснить чужой внутренний мир.

Это довольно трудная задача, потому что обе крайности проще. Полный контроль предлагает определённость: пока всё зависит от меня, ответ другого не изменит

ситуацию неожиданным образом. Полный уход предлагает освобождение: теперь можно не иметь дела с последствиями. Более внимательная позиция оставляет связь, но признаёт, что в ней возникнет не только заранее ожидаемое.

Здесь другой не является наградой за нашу скромность. Он может не выбрать предложенный вариант, не почувствовать немедленную благодарность, не согласиться с нашим пониманием. Если возможность его ответа реальна, она включает эти исходы. Иначе предоставленное место оказывается сценой, на которой ему разрешено сыграть уже написанную роль.

Предоставленное участие может изменить и саму форму близости. В условной редакционной работе опытный редактор сначала объясняет начинающему автору требования и подробно разбирает черновик. Через несколько выпусков автор способен самостоятельно выбирать композицию. Если редактор продолжает согласовывать каждую фразу, прежняя помощь становится препятствием; если совсем отказывается читать, хотя обещал отвечать за проверку фактов, нарушается другое условие сотрудничества. Нужен новый разговор: какие решения автор теперь принимает сам, за какие проверки отвечает редактор и где их совместное решение ещё необходимо.

Здесь уступить место означает допустить изменение отношений во времени. Один удачный жест не устанавливает их устройство навсегда. Самостоятельность другого может потребовать от нас другой работы, а не только меньшего вмешательства. При этом пересмотр ролей не означает обязательной симметрии: знания, полномочия и ответственность остаются различными. Этот пример развивает нашу человеческую метафору, а не описывает этапы каббалистического творения. Его вопрос вполне земной: может ли предоставленная возможность изменить последующее сотрудничество или она должна навсегда подтверждать первоначальную роль того, кто её предоставил?

Различие относится и к чтению самой традиции. Мы оставляем ей место, когда позволяем её вопросу изменить наши привычные категории, а не только украсить их новым словом. Понять цимцум — значит сначала встретиться с его религиозной глубиной и внутренними спорами. Применить его как метафору — значит отдельно отвечать за то, как и зачем мы это делаем.

Преподаватель из нашего примера в конце концов может услышать неожиданный ответ. Ему не обязательно с ним согласиться. Но теперь он имеет дело с мыслью ученика, а не со своей мыслью, произнесённой за него. Для человеческого разговора это небольшой, вполне конкретный результат: присутствие одного стало совместимым с участием другого. С этого и начинается пространство, в котором остаются двое.

Что это значит на практике

Для размышления о собственном участии полезно выбрать один конкретный эпизод, а не решать сразу, достаточно ли вы скромны в жизни. Подходящим может быть обычный разговор, совместная задача или ситуация помощи, где нет срочной угрозы и последствия попытки понятны.

Сначала стоит назвать действие, которое занимает пространство. Например: отвечаю за другого; исправляю его формулировку до того, как услышал мысль; предлагаю решение прежде, чем выяснил задачу; оставляю выбор только между теми вариантами, которые уже одобрил. Точное описание лучше общего обвинения «я слишком контролирующий». Оно позволяет изменить действие, не превращая наблюдение в приговор личности.

Затем можно выяснить, что полезно сохранить. Это может быть доступность, внимание, согласованный срок, необходимая информация или обязательство помочь с определённой частью задачи. Отступление приобретает смысл, когда понятно, от чего именно человек отступает и от чего не отказывается.

В условном разговоре о трудном решении это может звучать просто: «Я могу предложить свои варианты. Сначала вы хотите, чтобы я послушал, или полезнее сразу обсудить решение?» Такой вопрос не гарантирует идеального ответа. Он открывает проверяемую возможность: у другого появляется влияние на форму участия собеседника.

Не менее важно заранее уточнить границы самой возможности. Если решение затрагивает общий бюджет, договорённость двух людей или безопасность, это должно быть названо. Прозрачная граница часто оставляет больше пространства, чем неопределённое «делайте что хотите», за которым позднее обнаруживается невысказанный запрет. Свобода действия становится понятнее, когда условия не спрятаны.

После эпизода полезен взгляд на результат. Человек смог завершить мысль? Появилась информация, которую мы не ожидали? Его ответ действительно повлиял на следующий шаг? Сохранилась нужная поддержка? Или он почувствовал себя оставленным, а мы — лишь временно удержали возражение, чтобы произнести его позже с большей силой? По ответам можно изменить способ участия, не объявляя первую попытку окончательным доказательством метода.

Этот небольшой разбор является нашим предложением для наблюдения, а не каббалистической практикой и не обещанием изменения отношений. Он также не обязан заканчиваться уступкой. Иногда внимательное слушание обнаруживает реальное

несогласие. Тогда результатом становится более точная позиция двух людей, а не единое мнение.

В исходной сцене преподавателю достаточно попробовать один вопрос, на который он не ответит первым. Но качество попытки определяется не длительностью паузы. Оно определяется тем, сможет ли появившийся ответ стать частью урока. Место для другого заметно по возможности другого что-то внести.

Ключевая цитата

> *«И свет этот сократился и отступил к сторонам вокруг центральной точки; тогда остались свободное место, воздух и пустое пространство, исходя из самой центральной точки».*

Хаим Виталь, «Эц хаим», 1:2:2. Русский перевод для статьи по Sefaria Community Translation, сверенный с ивритом. Продолжение об образе равномерного круга разобрано в разделе II, а сохраняющаяся линия связи — в III. Цитата замыкает богословский образ; человеческое применение остаётся отдельным шагом интерпретации.

Связи между традициями

Ниже — наши аналитические сопоставления. Они не устанавливают историческое влияние и не сводят различные учения к одной формуле.

Сопоставление	Что помогает увидеть	Где проходит граница
Цимцум у Виталя ↔ незаполненный сосуд у Лао-цзы, глава 11	Незанятое место выражает условие возможности, а не просто нехватку.	Божественный свет и возникновение миров — иной предмет, чем философский образ полезности сосуда и комнаты.
Лурианский образ ограничения ↔ кенозис, Флп 2:5–11	Полнота не изображается только через увеличение господства.	Возможность конечного мира и воплощение Христа — разные богословские вопросы; это ограниченная аналогия, не тождество событий.
Современное этическое прочтение цимцума ↔ Эпиктет, «Энхиридион», 1	Полезно ограничить притязание считать чужой ответ своим действием.	Стоик исследует собственное суждение и власть над действием; каббалистический образ заимствован здесь для современной этической интерпретации.

Сопоставление	Что помогает увидеть	Где проходит граница
Самоограничение руководства у Кредитора ↔ шу в «Лунь юй», XV.XXIII у Легга	Ограничение своего действия может учитывать возможность другого участвовать.	Конфуцианская формулировка строится на соотнесении себя и другого, а не на мистическом рассказе о творении.
Цимцум в разборе Волоски ↔ несводимость другого у Левинаса, §2.3	Близость не требует полного поглощения другого собственным знанием.	Это философское развитие образа в еврейской и феноменологической мысли; этика Левинаса не становится нейтральным переводом всей каббалы.

Первоисточники

1. Хаим Виталь. «Эц хаим», 1:2:2. Первичный фрагмент о бесконечном свете и цимцуме. Иврит и Sefaria Community Translation; использовано для разбора символического рассказа.

2. Хаим Виталь. «Эц хаим», 1:2:4. Линия света и порядок возникающих миров. Использовано для различения освобождённого пространства и сохраняющейся связи.

3. Eitan Fishbane. The Kabbalah of Tzefat. Jewish Theological Seminary, 14 May 2024. Историческая среда Цфата, передача учения учениками, связь цимцума с другими лурианскими мотивами.

4. Moshe Miller. First Constriction. KabbalaOnline / Chabad.org. Введение в разногласие о характере ограничения света; конкретная интерпретационная перспектива.

5. Шнеур-Залман из Ляд. «Тания», «Шаар га-йихуд ве-га-эмуна», глава 7. Первичный текст в издании с английским переводом и пояснениями Lessons in Tanya. Использован аргумент против буквального удаления Бога.

6. Eli Rubin. Everywhere Revealed. Chabad.org. Раздел о различении сокрытия света и сущности, сопоставление Шнеур-Залмана и Хаима из Воложина.

7. Shira Wolosky. The Religious Meaning of Language in Judaic Culture. St Andrews Encyclopaedia of Theology, 2024, раздел 4. Использован разбор этического прочтения цимцума у Левинаса; его произведения здесь не выдаются за отдельно прочитанные.

8. Menachem Creditor. Not for the Sake of Heaven. Jewish Theological Seminary, 5 July 2024. Современный религиозный комментарий о самоограничении власти и руководстве как служении.

9. Лао-цзы. «Дао дэ цзин», главы 10–11, английский перевод James Legge, Project Gutenberg №216. Первичный текст: неприсвоение и полезность незаполненного места; сопоставление в VIII и карте. Прочитаны названные главы, не весь корпус даосской литературы.

10. Послание к Филиппийцам 2:5–11, English Standard Version, Text Edition 2025. Первичный христианский текст о кенозисе; самостоятельный русский пересказ для сравнения, без дословной перепечатки современного перевода.

11. Эпиктет. «Энхиридион», раздел 1, английский перевод Elizabeth Carter, Internet Classics Archive, MIT. Первичный текст для различения своего действия и неподконтрольного ответа другого. История всей стоической школы не выводится из этого фрагмента.

12. Конфуций. «Лунь юй», книга XV, глава XXIII в нумерации James Legge, Project Gutenberg №3330. Первичный диалог о шу; локатор дан по реально прочитанному изданию, где он отличается от современной нумерации 15.24.

13. Bettina Bergo. Emmanuel Levinas, Stanford Encyclopedia of Philosophy, редакция 29 September 2025, §2.3. Академический обзор для границы между знанием о другом и этическим отношением к нему; «Totality and Infinity» здесь отдельно целиком не читалась.

Теги

цимцум, каббала, лурианская каббала, Ицхак Лурия, Хаим Виталь, Эц хаим, Эйн Соф, Ор Эйн Соф, кав, творение, конечность, бесконечность, Божественный свет, символический язык, буквальное толкование, небуквальное толкование, Шнеур-Залман, Тания, разбиение сосудов, тиккун, этическая интерпретация, Левинас, другой, отдельность, близость, ответственность, самоограничение, участие, поддержка, неприсвоение, Лао-цзы, кенозис, Эпиктет, Конфуций, шу

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.